АВТОДЕЙКСИС: ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ЗНАЧЕНИЯ[1]

Гришина Е. А. (rudi2007@yandex.ru)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

В статье анализируются типы автодейксиса, т. е. типы жестов, которые используются говорящим при указании на самого себя. Исследуются также основные языковые факторы, влияющие на выбор типа жестикуляционного автоуказания.

Ключевые слова: дейксис; автодейксис; указательные жесты; соотношение слова и жеста; Мультимедийный русский корпус (МУРКО)

AUTODEIXIS: TYPES AND MEANING

Grishina E. A. (rudi2007@yandex.ru)

Institute of Russian Language RAS, Moscow, Russia

The study analyzes the main types of autodeictic gestures, i. e. the gestures, which indicate to the speaker him/herself. The main configurations of pointing hand are described and the main linguistic factors, which have an influence on these configurations, are specified. The author distinguishes between thematic autodeixis with the index finger and the performative autodeixis with the open hand. Besides, three types of autodeixes-portemanteaux have been described, which combine the deictic and non-deictic components. In the study the data of the Multimodal Russian Corpus (MURCO) have been analyzed.

Key words: deixis; autodeictic gestures; pointing; gesture-word coordination; Multimodal Russian Corpus (MURCO)

[1] Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика», а также грантов РФФИ № 10-06-00151 и № 11-06-00030.

1. Введение: парадоксы автодейксиса

В ходе живого диалогического общения, как и в ходе устного монолога указание на самого себя является достаточно частым жестом — не менее частым, чем указание на любые внешние объекты, лежащие вне актуальной в данный момент коммуникативной сферы. Судя по частотности этого жеста, он представляет собой не исключение, а правило, т. е. является стандартным дейктическим сопровождением устной речи.

При этом, однако, смысл и назначение этого жеста совершенно не очевидны и, если вдуматься, не вполне понятны. Герберт Кларк в своей статье [Clark 2003: 253], анализирующей разные классы указаний, писал, что местоимения *я* и *мы* парадоксальным образом требуют от говорящего указательного жеста, хотя и не рассматриваются в лингвистике как классические примеры демонстративов. И действительно, если сравнивать речевые и жестикуляционные дейксисы со своего рода дорожными указателями [Бюлер 1993: 86], а такое сравнение используется довольно регулярно, то совершенно непонятно назначение жестикуляционного автодейксиса: на первый взгляд он производит впечатление дорожного указателя, на котором вместо, к примеру, «Москва» или «На Берлин» написано «Дорожный указатель».

Далее, если задуматься, то оказывается совершенно не очевидным ответ на вопрос — на что именно указывает человек, когда он осуществляет жестикуляционный автодейксис, — на себя как личность? на себя как тело? или существуют еще какие-то возможности? Где находится тот объект, на который производится жестикуляционное автоуказание, и какова природа этого объекта?

И наконец, наблюдения показывают, что указующая рука в случае автодейксиса может иметь разную конфигурацию. Это тоже является своего рода парадоксом — ведь в случае автодейксиса и объект указания, и субъект указания являются одной и той же постоянной сущностью. Так какие же факторы влияют на выбор конфигурации указующей руки? или выбор конфигурации совершенно свободен и не несет какого-то дополнительного смысла?

Итак, с одной стороны, мы имеем достаточно частотный дейктический жест, настолько обычный, что ни сам говорящий, ни слушающий, ни сторонний наблюдатель чаще всего не обращают на него внимания. С другой стороны, мы имеем местоимение первого лица, которое имеет кристально ясную семантику (*я* — тот участник коммуникативного акта, реплика которого звучит в данный момент). И при этом совершенно непонятен смысл соединения, сосуществования этих двух абсолютно стандартных явлений.

В данной статье мы хотели бы, во-первых, перечислить основные жестикуляционные типы автодейксиса, а во-вторых, предложить некоторые версии, объясняющие перечисленные выше парадоксы. Сразу заметим, что материал будет рассматриваться исключительно с лингвистических позиций, хотя проблема *я*, его идентичности, самоидентификации, функционирования, целостности и множественности — это проблема, естественно, не только и не столько лингвистическая, сколько психологическая и философская. Мы, однако, в силу специфики наших личных интересов, ограничим себя чисто лингвистической точкой зрения.

2. Где находится я?

Предметом рассмотрения в нашей работе будут чуть более 300 примеров автодейксиса, отобранных из Мультимедийного русского корпуса[2]. Разумеется, объем материала не слишком велик, но, с нашей точки зрения, достаточен для предварительных выводов.

Будем считать, что говорящий знает, где именно находится *я*, и при автодейксисе указывает именно на это место. Тогда точкой *я*, в соответствии со статистическими данными, следует считать небольшую зону в районе диафрагмы или чуть выше (на рис. 1 именно в точку *я* ранит святого Себастьяна одна из стрел).

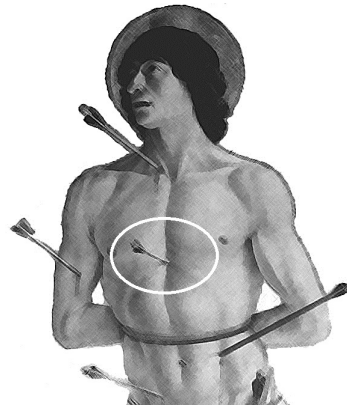

Рис. 1. Точка *я*

Именно в точку *я* направлена основная часть жестикуляционных автодейксисов. Существенные отклонения от нее возможны, но лишь в результате специальных обстоятельств, например, когда рука говорящего готовится сделать следующий жест, который так же, как и автодейксис, апеллирует к телу говорящего, но к другой его части (например, говорящему требуется направить следующий жест за спину): в таких случаях возможно смещение указующей руки в сторону от точки *я*.

Точка *я* является зоной, к которой говорящий направляет своим жестом **интеллектуальное** внимание слушающего. Поскольку говорящий апеллирует к интеллектуальному восприятию слушающего, а не к его органам чувств (прежде всего — к слуху и зрению), то точка *я* должна расцениваться как нематериальный объект, невзирая на то, что расположена она на вполне материальном носителе — теле говорящего. Нематериальность точки *я* имеет достаточно интересное следствие, которое отличает автодейксис от остальных

---

[2] О МУРКО см. [Гришина 2009] и инструкцию на сайте www.ruscorpora.ru/search-murco.html.

типов дейксиса. Как мы показали в работе [Гришина 2012б], в системе русских ручных дейктических жестов различаются, с одной стороны, классические (абстрактные) дейктические жесты (указания рукой, т. е. открытой ладонью, ОЛ, и указания пальцем, УП), которые не предполагают прикосновения к объекту указания, а с другой стороны, — касания, т. е. конкретные указательные жесты, которые предполагают прикосновение к объекту указания (жесты *положить ладонь на что-л., поднять в руке что-л., пристукнуть по чему-л. пальцем* и проч.). Классические указательные жесты и касания различаются прежде всего тем, что в касаниях ориентация и конфигурация указующей руки в значительной степени определяются формой и ориентацией объекта указания, классические же указательные жесты формируются под влиянием нематериальных, в том числе и лингвистических факторов. Поскольку точка *я* нематериальна, то для автодейксиса различие между касаниями и классическими (абстрактными) указательными жестами оказывается несущественным. В результате автодейксис может осуществляться как в режиме касания тела говорящего, так и просто движением указующей руки в направлении точки *я*, без осуществления касания, при этом различие касания/некасания не влияет на значение автодейксиса и диктуется только артикуляционными факторами.

Несколько примеров, однако, выбиваются из основной топологической схемы осуществления автодейксиса. Они относятся к ситуации, когда автодейксис предполагает обращение не к интеллекту слушающего, а к его зрению. В случае если говорящий предполагает, что слушающий не видит его, или предлагает собеседнику обратить на себя не интеллектуальное, а зрительное внимание, он указывает не на точку *я*, а на зону *я*. Зоной *я* является прямоугольник, расположенный между ключицами и пупком (рис. 2).

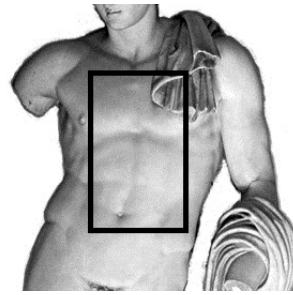

Рис. 2. Зона *я*

При апелляции к органам чувств слушающего говорящий указывает на себя открытой ладонью, обращенной к телу, и при этом пальцы направлены на края зоны *я* (рис. 3), т. е. говорящий указывает на себя и одновременно оставляет открытой зону *я*, чтобы слушающий мог эту зону увидеть, ср. пример (1).

Рис. 3. Указание на двухмерную зону *я*

(1)

Речевой ряд	*Сейчас в милиции изобрели такую пробирку, в которую как — фу! — дыхнешь*	*сразу видно*	*пил человек или не пил.*
Жестовый ряд		автодейксис	

Э. Рязанов, Э. Брагинский. Берегись автомобиля!, 1966

В этом случае зона *я* выступает как некоторая двухмерная геометрическая фигура. Изредка зона *я* трактуется говорящим не как планиметрическая, а как стереометрическая фигура, имеющая объем и, соответственно, вес. В таких случаях говорящий демонстрирует свою зону *я* слушающему так, как будто она лежит у говорящего в ладонях (см. рис. 4, пример (2)).

Рис. 4. Указание на трехмерную зону *я*

(2)

Речевой ряд	*— Вы сказали Иннокентий. Это я.* *— Батюшка, что «вы»?*	*– Нуу, я это.*	*Отец Иннокентий.*
Жестовый ряд		автодейксис	

О. Фомин и др. День выборов, 2005

Количество примеров, в которых *я* трактуется как имеющее материальную (двухмерную или трехмерную) природу, достаточно невелико и не оказывает существенного влияния на статистические распределения, которые мы приводим ниже.

3. Основные понятия и термины

3.1. Встроенные и независимые жесты

В работе [Kendon 2004] А. Кендон различил четыре типа жестов в соответствии с их отношением к сопровождающей речи, а Д. Мак-Нилл в своей статье “Gesture”, написанной для «Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences» ([McNeill 2005]), упорядочил эти четыре типа жестов на одной оси, которую назвал «континуумом Кендона»:

Gesticulation → Speech-Linked → Pantomime → Emblems → Sign language,

т. е.

Жестикуляция → Жесты, связанные с речью → Пантомима → Жесты-эмблемы → Язык глухонемых.

По мере продвижения по этой оси слева направо происходят два процесса: с одной стороны, речевое сопровождение жестикуляции становится все менее обязательным — для того, чтобы жест полноценно функционировал; с другой стороны, жестикуляция все более напоминает самостоятельный язык.

С нашей точки зрения, здесь было бы более уместным говорить не о *типах*, а о *режимах функционирования* жестов, поскольку один и тот же жест может функционировать и как gesticulation, и как speech-linked жест, и как элемент пантомимы или языка глухонемых. Так, исследования [Прозорова 2009] и [Гришина 2011б] показали, что и в русском языке глухонемых (РЖЯ), и в обыденной жестикуляции русскоязычных моргания используются в качестве маркеров пауз и границ между синтаксическими единицами; далее, в упомянутом исследовании Е. Прозоровой было показано, что в качестве паузы в РЖЯ используется жест *перебирать пальцами*, и этот же жест, по нашим данным, используется в обыденной жестикуляции как маркер паузы, во время которой говорящий подыскивает нужное ему слово. Еще труднее разделить жесты, которые могут использоваться только параллельно с речевым рядом (gesticulation в «континууме Кендона»), и жесты, которые заполняют те или иные незаполненные валентности в речевом потоке (speech-linked gestures)[3].

В этом смысле нам кажется более полезной классификация, данная в работе [Magno-Caldognetto, Poggi 1997: 34], в которой перечислены основные режимы (в работе — *модусы*) соотношения жеста и слова:

1) повтор, когда жест дублирует значение, которое языковыми средствами выражено в высказывании:

---

[3] В упомянутой работе [McNeill 2005] автор в своем изложении материала специально оговаривается, что не будет различать gesticulation и speech-linked gestures А. Кендона, и атрибуирует обе разновидности как жест (gesture).

(3)

Речевой ряд	*А какая разница, кто вам скажет — он и ли*	*я?*
Жестовый ряд		автодейксис, указание ОЛ

А. Коренев и др. Вас вызывает Таймыр, 1970

(4)

Речевой ряд	*Это*	*я разбил!*
Жестовый ряд		автодейксис, указание УП

А. Сурикова, В. Еремин. Хочу в тюрьму, 1998

2) дополнение, когда жестикуляция добавляет в сопровождающее высказывание некоторое значение, при том что высказывание само по себе является вполне завершенным:

(5)

Речевой ряд	[Лебедев] *Ибо нищ и наг, и атом в коловращении людей. И кто почтит*	*Лебедева?*
Жестовый ряд		автодейксис, указание УП
Значение		‘Лебедев — это я’

В. Бортко. Идиот, 2003

(6)

Речевой ряд	*У нас в клубе принято*	*джентльменам*	*верить на слово.*
Жестовый ряд		автодейксис, указание ОЛ	
Значение		‘джентльмены — это мы’	

3) замещение, когда жест используется вместо слова или словосочетания, а высказывание без жеста является незавершенным или неполным:

(7)

Речевой ряд	*В этом прежде всего заслуга*	[пауза]	*его родных.*
Жестовый ряд		автодейксис, указание ОЛ	
Значения		‘моя’	

М. Захаров, Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен, 1979

(8)

Речевой ряд	*Высек*	[пауза]	*и тем самым запечатлел.*
Жестовый ряд		указывает на Рогожина (УП), затем указывает на себя (автодейксис УП)	
Значение		‘он меня’	

В. Бортко. Идиот, 2003

4) конфликт, когда значение жеста противоречит значению высказывания (встречается достаточно редко, к дейктическим жестам отношения не имеет, далее учитываться не будет):

(9)

Речевой ряд	*— Сеня, ты уже дошел до кондиции?* *— До какой? — До нужной?*	*— Нет.*
Жестовый ряд		утвердительно кивает головой

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

5) автономность, когда жест выражает значение, полностью отсутствующее в параллельном речевом ряде:

(10)

Речевой ряд	*Не-не,*	*это*	*полный бред!*
Жестовый ряд		автодейксис, указание ОЛ	

Д. Дьяченко и др. День радио, 2008

6) И наконец, последним способом, которым жестикуляция может сочетаться с параллельным речевым рядом, является режим **пантомимы**, когда речь отсутствует, а жест выступает как самостоятельное высказывание.

Далее мы будем называть ***встроенными автодейксисами*** те автоуказания, которые используются в режиме повтора, дополнения и замещения (пп. 1–3 выше), т.е. встроены в высказывание, которое сопровождают, а ***независимыми автодейксисами*** — автоуказания, которые используются в автономном режиме (п. 5).

Среди встроенных жестов полезно выделить ***я-синхронные жесты***, ударная стадия которых совпадает с местоимением *я* или его производными. Все остальные типы соотношения местоимения *я* и автодейксиса (независимые и встроенные, но не *я*-синхронные) мы будем называть ***асинхронными***.

3.2. Базовые автодейксисы и автодейксисы-portemanteaux

В работах [Гришина 2012а, б] нами на обширном материале были рассмотрены русские дейксисы *вот, вон, здесь, тут, там, тот, это, этот* и проанализированы те ручные дейктические жесты, которые их сопровождают. В результате было показано, что разные аспекты значения исследованных дейксисов отражаются в разных конфигурациях жестикулирующей руки. Выяснилось, что значение дейксиса и тип речевого акта, содержащего в себе дейксис, влияют, с одной стороны, на выбор органа указания — указательный палец (УП) или открытая ладонь (ОЛ). С другой стороны, обнаружилась связь между значением дейксиса/типом речевого акта — и ориентацией ладони (вверх или вниз; вертикальная ориентация ладони оказалась референциально и прагматически немаркированной, т.е. не имеющей собственного значения).

Поскольку при автодейксисе ориентация ладони практически всегда имеет вынужденный характер, то для анализа автоуказания, по-видимому, следует различать только указание пальцем (рис. 5) и указание открытой ладонью (рис. 6) — далее УП и ОЛ, — и не учитывать ориентацию ладони. Эти две конфигурации указующей руки мы будем назвать ***базовыми автодейксисами***.

Рис. 5. Автоуказание пальцем

Рис. 5. Автоуказание открытой ладонью

Кроме того, как показал анализ материала, в сфере дейктической жестикуляции, обращенной на самого говорящего, часто встречаются ***жесты-portemanteaux***, в которых значение автодейксиса передается движением руки к точке *я*, но ладонь при этом принимает форму недейктического жеста. На нашем материале было обнаружено три разновидности автодейксиса-portemanteau: *ладонь к груди*, *кулак* и *щепоть*. Ниже, после того, как нами будут рассмотрены более подробно базовые автодейксисы, мы опишем и основные свойства автодейксисов-portemanteux.

3.3. Зона действия жеста

Нам понадобится такое понятие, как зона действия жеста. Как известно, обычно жест осуществляется в три стадии — подготовительная стадия (экспозиция), ударная часть (stroke; основная смысловая часть жеста) и ретракция. Из этих трех частей только ударная является обязательной. Кроме того, очень часто в жест добавляются предударное и послеударное удержания (holds) — задержки в осуществлении жеста, когда активный орган фиксируется в стадии экспозиции (предударное удержание) или в стадии удара (послеударное удержание). ***Зоной действия жеста*** мы будем считать ту часть сопутствующей жесту фразы, которая соответствует ударной части жеста и послеударному удержанию, если оно наличествует. Так, в примере (10) зона действия жеста совпадает со словом *это*, в примере (3) — со словосочетанием *я разбил*, в примере (1) — со словосочетанием *сразу видно*, в примере (2) — с фразой *Нууу, я это*.

4. Базовые автодейксисы

Базовые автодейксисы ОЛ и УП заметно различаются с точки зрения их отношений с сопровождающей речью. Табл. 1 показывает распределение встроенного и независимого режима употребления этих автодейксисов.

Таблица 1

Тип употребления Тип автодейксиса	Встроенный автодейксис	Независимый автодейксис
ОЛ	149 (75 %)	50 (25 %)
УП	62 (98 %)	1 (2 %)
χ^2=16,9[2], распределения достоверны, параметры связаны		

Как видим, четверть всех автодейксисов ОЛ употребляется в независимом режиме, т. е. в сопровождающем жестикуляцию тексте нет ни самого слова *я*, ни его производных, ни форм, в которые может быть включена сема 1-го лица (глаголы, слова типа *сам, собственный*), ни личных имен говорящих. Один пример такого рода употреблений уже был приведен выше (10), вот еще несколько:

(11)

Речевой ряд	*Нет, Юрий*	*Федорович!*	*Почему эта тема хуже?*
Жестовый ряд		автодейксис ОЛ	

Д. Дьяченко и др. День радио, 2008

(12)

Речевой ряд	*С твоими*	*поучениями ты бы*	*выступал у себя на рынке!*
Жестовый ряд		автодейксис ОЛ	

Э. Рязанов, Э. Брагинский. Берегись автомобиля!, 1966

(13)

Речевой ряд	*…если бы не увидел, что она оказала тебе*	*высший почет*	*проводив тебя до самых*	*дверей класса*
Жестовый ряд		автодейксис ОЛ		автодейксис ОЛ

Г. Казанский, Л. Лагин. Старик Хоттабыч, 1956

Единственный же пример, в котором в независимом режиме употребляется автодейксис УП, не вполне показателен (14):

---

[4] При каждой таблице с числовыми данными мы даем значение соответствующего данному распределению χ-квадрата (χ^2). Это позволяет оценить степень достоверности приведенных в таблице данных.

(14)

Речевой ряд	*Все*	*люди*	*любят редких животных,*	*а туристов в Конго, я уверен, не все!*
Жестовый ряд	назидательный жест *ткнуть пальцем*	автодейксис УП	назидательный жест *ткнуть пальцем*	

Д. Дьяченко и др. День радио, 2008

В примере (14) мы, вероятнее всего, имеем дело с довольно частотным явлением, *аккомодацией жестов*, когда в жестикуляционном континууме ретракция предшествующего жеста влияет на ударную часть последующего. Как видим, в примере (14) автодейксис находится между двумя жестами *ткнуть пальцем* в значении назидания, так что здесь конфигурация руки в автодейксисе (УП) может иметь зависимый, индуктивный характер. А если это так, то мы можем утверждать, что на нашем материале ни разу не встретился пример автономного автодейксиса УП, при том что автономный автодейксис ОЛ чрезвычайно частотен.

Иными словами, для того, чтобы говорящий указал на себя указательным пальцем, в сопровождающем высказывании, непосредственно относящемся к этому автодейксису, обязательно должна присутствовать словесная отсылка к говорящему в любой форме (местоимение, глагол, имя говорящего). Напротив, автодейксис ОЛ свободен от таких ограничений и может быть употреблен и в тех случаях, когда в сопровождающем высказывании нет ни одного маркера первого лица.

Здесь естественным образом возникают два вопроса: 1) почему говорящий использует жестикуляционное указание на себя, если в звучащем высказывании нет показателей ‘я’?, 2) почему в том случае, если в сопровождающем высказывании нет показателей ‘я’, говорящий при автодейксисе выбирает указание ОЛ, а не УП?

Начнем с первого вопроса. Тот факт, что автодейксис УП жестко связан с наличием местоимения *я* и сходных лингвистических явлений в текстуальной части высказывания, позволяет нам считать, что автодейксис УП относится к ‘я’, входящему в диктум, т. е. в содержательную зону значения данного высказывания. Иными словами, автодейксис УП указывает на ‘я’, которое прежде всего является топиком данного высказывания, и лишь во вторую очередь маркирует *сам акт высказывания*.

Если это так, то мы можем предположить, что автодейксис ОЛ обозначает **не** диктальное ‘я’. И действительно, каждое высказывание может включать или не включать в себя диктальное местоимение первого лица (*я* или *мы*), т. е. показатель первого лица как предмет речи, но *обязательно* включает в себя перформативное первое лицо (‘я’), поскольку каждое высказывание имеет при себе перформативный префикс, обозначающий тот тип иллокуции, который в данный момент осуществляет говорящий (<Я говорю>, <Я спрашиваю>, <Я обещаю> и т. д.). В большинстве высказываний перформативный префикс

функционирует в скрытом, подразумеваемом виде, но иногда формулируется и на поверхностном уровне:

(15) ***А я вам говорю**, Герснер, учтите…*
*Но **у меня еще один особо важный вопрос**…*
***Это я спрашиваю**, что случилось.*
***Это я вас хочу спросить**, почему…*
***И я говорю**, понимаете, вот…*
***Я прошу** понять меня правильно…*

Таким образом, сема ‘я’ присутствует в любом высказывании, и если ее нет на уровне содержания, диктума, то она обязательно имеется в составе скрытого перформатива.

Итак, мы различаем диктальное и перформативное ‘я’ и считаем, что автодейксис УП апеллирует к диктальному ‘я’, в то время как автодейксис ОЛ апеллирует к ‘я’ перформативному. Режим встроенного автодейксиса в значительной степени нейтрализует эти различия, но они выходят на первый план в независимом режиме жестикуляции, при котором используется исключительно автодейксис ОЛ; автодейксис УП употребляется только во встроенном режиме.

Если автодейксис УП относится к диктальному ‘я’, естественно ожидать, что он должен реагировать на различия в типах речевых конструкций, включающих в себя ‘я’. Будем различать контрастные и нейтральные контексты. В контрастных контекстах местоимение *я* попадает под эмфатическое выделение (примеры (2), (3), (4)) или сочетается с выделяющими частицами *-то, вот*. Нейтральными мы будем считать все остальные контексты. Табл. 2 демонстрирует соответствующие данные.

Таблица 2

Тип контекста **Тип автодейксиса**	**Контрастный**	**Нейтральный**
ОЛ	55 (42%)	76 (58%)
УП	25 (66%)	13 (34%)
χ^2=6,7, распределения достоверны, параметры связаны		

Как видим, автодейксис ОЛ слабо тяготеет к нейтральным конструкциям. Напротив, автодейксис УП отчетливо предпочитает контрастные контексты (две трети случаев использования автодейксиса УП). Таким образом, речевая конструкция (противопоставление контрастных и нейтральных контекстов) имеет значительное влияние на диктальный автодейксис УП, а перформативный автодейксис ОЛ затрагивает в существенно меньшей степени.

Интересно проследить, связаны ли между собой зона действия жеста (см. раздел 3.3) и тип автодейксиса (ОЛ или УП). Будем считать, что автодейксис связан со **словом**, если в зону действия жеста попадает только одна словоформа

(иногда — вместе с примыкающими к ней клитиками), и со **словосочетанием**, если в зону действия жеста попадает больше одного полнозначного слова. При этом выведем из рассмотрения однословные реплики (типа *Мне-то?, Представляете?*), в которых диапазон зоны действия жеста не имеет вариантов. Данные представлены в табл. 3.

Таблица 3

Зона действия жеста Тип автодейксиса	Слово	Словосочетание
ОЛ	84 (45 %)	102 (55 %)
УП	40 (66 %)	21 (34 %)
χ^2=7,7, распределения достоверны, параметры связаны		

Как видим, в случае автодейксиса ОЛ выбор между зоной действия жеста длиной в одну словоформу и длиной в словосочетание практически равновероятен (с небольшим предпочтением словосочетания). Напротив, в двух третях случаев употребления автодейксиса УП последний задает зону действия длиной в одно слово.

Объясняется это, с нашей точки зрения, тем, что длительность автодейксиса УП, ориентированного на ‘я’ как на часть диктума, определяется тем, что ‘я’ в составе диктума обычно представлено одной словоформой (будь то сами местоимения *я, мы, мой, наш*, или личные имена говорящих, глагольные словоформы первого лица). Напротив, автодейксис ОЛ, ориентированный на скрытый перформатив высказывания, не связан с какой-либо конкретной словоформой, а длится столько, сколько длится, с точки зрения говорящего, соответствующий перформатив. Таким образом, автодейксис УП можно считать сегментным, а автодейксис ОЛ — суперсегментным автодейксисом. Если обозначить границы зоны действия жеста фигурными скобками, то мы заметим, что зона действия жеста, подобно интонационному контуру, в значительном числе случаев хорошо совпадает с синтаксическими границами фразы:

(16) *Только я {если ты не возражаешь} я бы все-таки взяла вот эти…*
Я тебя разбудил {извини пожалуйста} я не подумал
{Почему я должна ехать} на метро?
Эта твоя независимость {ну зачем она мне?}
А ты знаешь {во сколько я ложусь?}

Если принять предложенное разделение автодейксисов на диктальный и перформативный, можно задаться вопросом, почему для перформативного дейксиса выбрано указание ОЛ, а для диктального — указание УП.

Наш анализ системы ручных указательных жестов [Гришина 2012а, б] показал, что, во-первых, для указания УП характерна трактовка объекта указания как **точечного** объекта стабильной структуры, в то время как в случае

указания ОЛ объектом указания является ситуация, **событие**, расположенное в трех измерениях и развивающееся во времени. Во-вторых, указание УП обычно используется в идентификациях типа *X это Y*, в которых обе части идентификации (*X* и *Y*) являются понятийными и, следовательно, речевыми объектами. Напротив, указание ОЛ тяготеет к идентификациям структуры *Вот X*, в которых *X* является понятием и, соответственно, **словом**, а введенный с помощью данной идентификации объект является конкретным предметным или событийным (т. е. **внеречевым**) примером реализации данного понятия (*это*-идентификация осуществляет категоризацию объекта указания, а *вот*-идентификация — экземплификацию категории).

Отметим, что диктальное ‘я’ как составная часть высказывания может рассматриваться как **точечный речевой** объект стабильной структуры. Напротив, перформатив ‘я говорю’ логично трактовать как **внеречевое событие**, развивающееся во времени. Если принять такую точку зрения, то обе упомянутые выше закономерности в выборе конфигурации указующей руки в приложении к автодейксису должны приводить к тому, что автодейксис УП будет использоваться для диктального автоуказания, а автодейксис ОЛ — для перформативного.

Именно этим, с нашей точки зрения, вызван тот факт, что перформативный автодейксис ОЛ не употребляется в режиме пантомимы: на всем нашем материале (204 случая автодейксиса ОЛ) последний ни разу не был употреблен как самостоятельное высказывание, без сопровождающей речи. Что касается автодейксиса УП, то здесь ситуация иная — из 47 случаев его употребления в двух случаях автоуказание пальцем использовалось в режиме пантомимы, и в обоих случаях «переводилось» с жестикуляционного языка на словесный совершенно однозначно: ‘это **я** Р’, где Р, предикат, понятен обоим собеседникам из предшествующей ситуации, а жестикулирующий субъект своей пантомимой утверждает, что это именно он является субъектом, причиной, виновником или каким-то другим актором данного предиката. Очевидно, что раз автодейксис ОЛ апеллирует к перформативу, то он в обязательном порядке должен быть связан с событием высказывания, поскольку перформатива без акта высказывания не существует. Напротив, автодейксис УП, связанный не с событием речи, а с ее содержанием, может передавать это содержание и без речи, в режиме пантомимы.

В заключение раздела попытаемся ответить еще на один вопрос: зачем вообще говорящему указывать на перформативное ‘я’? Логика указания на диктальное ‘я’ достаточно прозрачна: в режиме замещения и дополнения (см. выше, разд. 3.1) такое указание проясняет валентный и содержательный состав сопутствующего высказывания; в режиме повтора автодейксис либо дублирует содержание высказывания[5], либо добавляет в него те или иные обертоны (в частности, автодексис УП, апеллирующий к диктальному ‘я’, может добавлять к нему контрастное выделение, подчеркивание, отсутствующее в других модусах данного высказывания).

---

[5] Дублирование содержательной части устного высказывания разными модальными средствами, — фонетическим, интонационным, жестикуляционным, — явление достаточно частотное.

Но в чем смысл перформативного автодейксиса?

В работе [Гришина 2012б] мы уже писали о том, что для русской дейктической жестикуляции чрезвычайно характерна жестикуляционная фраза, т. е. последовательность жестов, структуры ‘ты–он–ты’, которая может быть переведена примерно следующим образом: ‘обрати внимание’ — ‘фиксация объекта’ — ‘обрати внимание’ (одно из двух ‘ты’ часто опускается), ср примеры (17)–(19).

(17)

Речевой ряд	*Вот!*	*Признали свою*	*вину!*
Жестовый ряд	направляет указательный палец на третье лицо	переводит указательный палец на собеседника	снова переводит указательный палец на третье лицо
Значение	фиксация объекта	‘обрати внимание’	‘на этот объект’

А. Рогожкин. Операция «С Новым Годом!», 1996

(18)

Речевой ряд	[*Вытирает мороженое с лица, смеется*]	*Хороший мальчик…*
Жестовый ряд	направляет указательный палец на собеседника	переводит указательный палец на третье лицо
Значение	‘обрати внимание’	‘на этот объект’

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

(19)

Речевой ряд	*Да он это!*	*Он! Он самый!*
Жестовый ряд	направляет указательный палец на собеседника	переводит указательный палец на третье лицо
Значение	‘обрати внимание’	‘на этот объект’

Л. Кулиджанов, Н. Фигуровский. Когда деревья были большими, 1961

Мы предполагаем, что перформативный автодейксис используется по сходной схеме: говорящий обращает внимание слушающего на тот факт, что «**я (говорящий) говорю**». Таким образом, можно предположить, что перформатив, лежащий в основе любого устного высказывания, включает в себя не только глагол говорения в первом лице единственного числа (‘говорю’, ‘прошу’, ‘требую’, ‘обещаю’ и др.), но и апелляцию к слушающему по схеме ‘ты–я–ты’, и переводится примерно следующим образом: ‘обрати внимание’ — ‘говорю’ — ‘тебе’.

Если это так, то реплики, которые сопровождаются перформативным автодейксисом ОЛ, должны быть в большей степени ориентированы на адресата, чем реплики, содержащие диктальный автодейксис УП.

Ориентация реплик на адресата может быть выражена разными способами.

1) Реплика может быть провоцирующей[6], т. е. нацеленной на обязательную реакцию адресата. Такими репликами, прежде всего, являются вопросы и императивы самой разной структуры.

2) Реплика может содержать обращение.

3) И наконец, ориентация высказывания на адресата может выражаться не на словесном, а на жестикуляционном уровне, а именно, она может сопровождаться жестикуляционной фразой структуры ‘ты–я–ты’ (одно из двух ‘ты’ может отсутствовать), см. пример (20) и рис. 7, на котором говорящий сначала делает движение открытой ладонью к адресату (первое ‘ты’), затем осуществляет автодейксис ОЛ (‘я’), а затем повторяет движение открытой ладонью к адресату (второе ‘ты’).

Рис. 7. Жестикуляционная фраза '*ты–я–ты*'

(20)

Речевой ряд	*Голодать будут*	*за еду!*
Жестовый ряд	ОЛ к адресату, ‘ты’	автодейксис ОЛ, затем ОЛ к адресату, ‘я–ты’
Значение	‘обрати внимание’	‘говорю–тебе’

О. Фомин и др. День выборов, 2005

Табл. 4 демонстрирует, в какой степени высказывания, ориентированные на адресата, связаны с автодейксисами ОЛ и УП.

Таблица 4

Ориентация высказывания **Тип автодейксиса**	**На адресата**	**Нейтральная**
ОЛ	138 (71 %)	56 (29 %)
УП	18 (40 %)	27 (60 %)
χ^2=17,6, распределения достоверны, параметры связаны		

Как видим, при автодейксисах ОЛ и УП нейтральная ориентация высказывания и ориентация на собеседника распределены крестообразно:

[6] О провоцирующих репликах и специальных схемах глазного поведения говорящего и слушающего на их границах по сравнению с нейтральными репликами см. [Гришина 2011а].

как мы и ожидали, для автодейксиса ОЛ характерна ориентация на собеседника (71 %), для автодейксиса УП — нейтральная (объективная) ориентация (60 %).

Если посмотреть на типы ориентации более детально, то мы заметим, что в вопросах и императивах (т. е. в провоцирующих высказываниях) автодейксис ОЛ встречается в 34% случаев, а автодейксис УП — только в 15 %, т. е. в два раза реже; автодейксис УП вообще не встречается на фоне обращений, а для автодейксиса ОЛ такое сочетание зафиксировано (5 примеров, один из них см. выше, пример (11)); жестикуляционная фраза ‘ты–я–ты’ с автодейксисом ОЛ встречается в 51 % случаев и только в 29 % случаев — в сочетании с автодейсисом УП, т. е. разница почти в два раза.

Таким образом, мы считаем, что перформативный автодейксис ОЛ предназначен для того, чтобы привлечь внимание собеседника к событию высказывания, в то время как диктальный автодейксис УП прежде всего ориентирован на дублирование или замещение семы ‘я’ как составной части диктума, содержательной зоны высказывания.

5. Автодейксисы-portemanteaux

5.1. Ладонь к груди

На рис. 8 изображен автодейксис, который осуществляется движением открытой ладони к точке *я*, но при этом указующая ладонь не располагается под тем или иным углом (острым или прямым) к телу говорящего, как при базовом автодейксисе ОЛ, а полностью прилегает к телу[7].

Рис. 8. Автодейксис 'ладонь к груди'

[7] В случае не полностью артикулированного, редуцированного автодейксиса *ладонь к груди* ладонь располагается параллельно телу говорящего, не касаясь его.

(21)

Речевой ряд	*Значит, договорились в смысле*	*кандидатуры?*
Жестовый ряд		автодейксис *ладонь к груди*
Значение		‘кандидатура — это я’

Л. Кулиджанов, Н. Фигуровский. Когда деревья были большими, 1961

Вне дейктического поля жест *прижать руку/руки к груди* используется в двух основных случаях.

Во-первых, в основе этого жеста лежит физиологическая потребность человека приложить руку к левой части груди (*схватиться за сердце*) в тех случаях, когда сильная эмоция нарушает ритмичную работу этого органа (значения жеста 'испуг', 'потрясение').

Во-вторых, этот жест используется в тех случаях, когда говорящему нужно осуществить любой речевой акт, компонентом которого является перформатив 'прошу мне поверить'. Так, в этикетных жестах со значением 'приветствие', 'благодарность', 'извинение' прижатая к груди ладонь означает, что говорящий просит собеседника поверить, что он, говорящий, действительно благодарит собеседника, приветствует его или просит у него прощения. В жесте — речевом действии 'клятва' говорящий просит собеседника поверить, что некоторая предикация P имеет (имела, будет иметь) место. Жестом — речевым действием ‘просьба’ говорящий просит собеседника поверить в то, что говорящему очень нужно исполнение его просьбы:

(22)

Речевой ряд	*Иван Иваныч*	*мне бы не хотелось, чтоб здесь произносились чьи-либо фамилии, мы для вас инкогнито…*
Жестовый ряд	прижимает ладонь к груди	

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

Первый тип значения жеста *прижать руку к груди* отличается от второго тем, что смещен к левой стороне груди. Второй же класс жестов обычно бывает направлен к точке *я*, и это неудивительно, поскольку в его значение включена перформативная компонента 'прошу'.

В случае если сопровождающее жест *прижать руку к груди* высказывание не может быть осмыслено ни как этикетный жест (благодарности, извинения или приветствия), ни как жест — речевое действие (клятва или просьба), жест *прижать руку к груди* или *ладонь к груди* осмысляется как дейктический жест. Восприятию этого жеста как дейктического способствует прежде всего его синхронизация с местоимением *я*, его производными или перифразами. Так, в примере (21), в случае, если бы жест *прижать руку к груди* (*ладонь к груди*) выражал идею просьбы, он был бы смещен к началу вопроса или к предикату (*договорились*). Однако в реальности, вследствие его синхронизации со словом *кандидатуры*, он однозначно трактуется как дейктический (*кандидатура — это я, моя кандидатура*).

Таким образом, в случае автодейксиса *ладонь к груди* из жеста *прижать ладонь к груди* заимствуется перформатив, а направление движение ладони к точке *я* передает идею автодейксиса. Тип перформатива зависит от типа речевого акта: если высказывание является утверждением, то перформатив — 'прошу поверить'; в случае, если высказывание является императивом, перформатив — просто 'прошу'. Отметим, что в вопросах этот жест практически не употребляется (на 41 случай использования данного жеста зафиксировано только два вопроса), и это естественно, поскольку перформатив 'прошу поверить', характерный для данного жеста, плохо сочетается с запросом информации, характерным для вопросов.

Еще несколько примеров автодейксиса *ладонь к груди*:

(23) *Чему я {лично очень рад}.* [ладонь к груди: 'прошу поверить, что я рад этому']
Веселый {я} человек! [ладонь к груди: 'прошу поверить, что я веселый человек']
Пусть уж {мне одному отрубят голову}. [ладонь к груди: 'прошу отрубить голову только мне']
Я повешу на то крыло {беднягу Лярошель} и вам придется много плакать. [ладонь к груди: 'бедняга Лярошель — это я' + 'прошу поверить, что я повешусь на том крыле']
У меня всё с {собой}! [ладонь к груди: 'прошу поверить, что у меня все с собой, а не в другом месте, где-то далеко'].

5.2. Кулак

На рис. 9 изображен автодейксис, при котором ладонь сжата в кулак и прижимается к груди в точке *я*.

Рис. 9. Автодейксис 'кулак'

(24)

Речевой ряд	*Гена Бобков*	*это я.*
Жестовый ряд		автодейксис *кулак*

Р. Качанов, И. Охлобыстин. ДМБ, 2000

Жестикуляционная морфема *рука, сжатая в кулак* используется в большом количестве жестов разных типов и значений, при этом основной компонент ее смысла можно сформулировать как 'интенсивность' или 'сила'. Это значение имеется, в частности, в жестах угрозы, требования, возмущения, в разного рода пейоративных жестах. Кроме того, сжатая в кулак рука подчеркивает интенсивность как отрицательных (отчаяние, огорчение), так и положительных (высокая оценка) реакций. Движением сжатой в кулак руки говорящий подчеркивает ритм фразы, осуществляя разные типы риторических жестов (beats и batons).

Такая семантика жеста определяет и тип его употреблений в качестве дейктического: кулак, направленный в точку *я* и **синхронизированный** с местоимением *я*, обозначает диктальный автодейксис в контрастном употреблении (см. разд. 4), т. е. компонент семантики этого жеста ('интенсивность', 'сила') трансформируется в таких контекстах в значения 'именно', 'не X, а Y', которые напрямую связаны с контрастивностью и, соответственно, с идеей усиления, повышенной интенсивности, подчеркивания:

(25) *Но можно {мне} с ним поговорить?* [именно мне, а не вам]
А {я где тогда буду?} [именно я, а не он]
Это {я-то жулик?} [не кто-нибудь, а я?]
{Я спекулянт?} [не кто-нибудь, а я?]
{Я виноватая}, а его там казнят!

В случае если автодейксис *кулак* не синхронизован с местоимением *я*, имеет место объединение автодейксиса *ладонь к груди* и жеста *сжать руку в кулак*. В этом случае из жеста *сжать руку в кулак* заимствуется идея интенсивности, а из автодейксиса *ладонь к груди* — компонент 'я прошу мне поверить'. В целом жест может быть истолкован следующим образом: 'я **очень** прошу поверить мне' или 'я прошу поверить мне и по известному вам поводу испытываю **сильные** эмоции':

(26) *{если} бы ты знал, как меня раздражает…* ['прошу поверить, что меня очень раздражает']
я не могу ставить {родственные интересы выше общественных} ['очень прошу поверить, что я не могу…']
потому что у меня {нет} английского рожка ['прошу поверить, что у меня нет английского рожка, и я испытывают по этому поводу сильные чувства']
это я его {нашел} ['очень прошу поверить вас, что это я его нашел']

Косвенным доказательством того, что в асинхронных употреблениях автодейксис *кулак* является своего рода «надстройкой» над автодейксисом *ладонь к груди*, является тот факт, что если при ***я*-синхронном** употреблении автодейксис *кулак* легко сочетается с вопросом (распределение — 5 вопросов и 8 утверждений), то при **асинхронном** употреблении доля вопросов резко падает (1 вопрос на 16 утверждений), т. е. в последнем случае мы имеем дело с распределением вопросов и утверждений, весьма напоминающим аналогичное распределение у автодейксиса *ладонь к груди*.

5.3. Щепоть

Все перечисленные выше типы автодейксиса (*УП, ОЛ, ладонь к груди, кулак*) имеют конфигурацию указующей руки, хорошо отрефлектированную в языке, т. е. воспринимаемую носителем языка не только подсознательно, но и вполне осознанно (одним из показателей этого является наличие специальных устойчивых выражений для обозначения этих конфигураций — *прижать руку/руки/ладонь к груди, показать пальцем/рукой, сжать кулак/кулаки* и др.). В качестве автодейксиса, однако, используется и конфигурация руки, которая говорящими не осознается, при том что часто встречается в естественной жестикуляции и уже довольно давно фиксируется в соответствующих исследованиях. Эта конфигурация в англоязычной традиции называется bunch; А. Кендон при анализе этого жеста использовал итальянское слово grappolo ‘гроздь, кисть’ [Kendon 2004: ch. 12]; мы далее будем использовать название *щепоть* (см. рис. 10).

Рис. 10. Жест grappolo

А. Кендон считает, что внутренней формой этого жеста является хватающая (grasping) рука: говорящий как бы ухватывает, схватывает самую суть, сердцевину ситуации. Возможно, для итальянского материала, с которым работает А. Кендон, это верно. Русская манера исполнения этого жеста несколько отличается от итальянской: в итальянском *grappolo* соединяются кончики всех пяти пальцев; в русском жесте *щепоть* обычно участвуют кончики большого, указательного и среднего пальца, изредка к ним присоединяется безымянный, и практически никогда — мизинец. Поэтому нам кажется, что для русского жеста *щепоть* более подходящей трактовкой будет не идея хватания, а идея 'взять кончиками пальцем какой-то маленький объект' (например, щепотку соли), а следовательно, осуществить манипуляцию рукой, которая требует повышенной точности, филигранности в исполнении. Соответственно, основным значением этого жеста в русской культуре является 'точно', 'именно так', 'соответствуя чему-л.':

(27)

Речевой ряд	*Я ставлю*	*взрывное устройство в карету на десять*	*часов…*
Жестовый ряд		щепоть	
Значение		‘точно на десять часов’	

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

В заметном числе случаев конфигурация *щепоть* используется в качестве автодейксиса т. е. направляется говорящим к точке *я* (рис. 11):

Рис. 11. Автодейксис 'щепоть'

Соответственно, в этих случаях конфигурация руки *щепоть* добавляет в автодейксис смысловой компонент 'именно', 'точно'. Примеры (28)–(29) демонстрируют использование этой конфигурации руки в случае *я*-синхронного использования жеста:

(28)

Речевой ряд	*— Мы бы с удовольствием приударили за вами. Жаль, что вы привидение.* *— Кто привидение?*	*Я привидение?*
Жестовый ряд		автодейксис 'щепоть'
Значение		‘вы именно меня назвали привидением?’

Л. Квинихидзе, Н. Фомина. 31 июня, 1978

(29)

Речевой ряд	*Таймыр?*	[пауза] *Это я.*
Жестовый ряд		автодейксис ‘щепоть’
Значение		‘это именно я, а не кто-нибудь другой’

А. Коренев и др. Вас вызывает Таймыр, 1970

Как видим, в случае *я*-синхронного употребления значение автодейксиса *щепоть* очень близко к значению автодейксиса *кулак* — и там, и там подчеркивается контрастность местоимения *я* и его противопоставление другим возможным субъектам. Но если в случае автодейксиса *кулак* контраст окрашен эмоционально, то в случае автодейксиса *щепоть* он носит исключительно содержательный, нейтральный в эмоциональном отношении характер.

Автодейксис *щепоть*, однако, употребляется не только в *я*-синхронном, но и в асинхронном режиме, т. е. не требует обязательного одновременного употребления местоимения *я* в сопровождающем высказывании. В таких случаях автодейксис *щепоть* представляет собой сочетание автодейксиса ОЛ (которое, напомним, часто употребляется в автономном, независимом режиме)

с конфигурацией указующей руки *щепоть*, которая добавляет в значение высказывания компонент 'точно', 'именно' (30).

(30)

Речевой ряд	*Нет, Слав, вообще*	*нормальная история?*	*Тебе кто-то сказал*	*куда*	*мы едем? зачем мы едем?*
Жестовый ряд	ОЛ в направлении адресата	автодейксис ОЛ	ОЛ в направлении адресата	автодейксис *щепоть*	автодейксис ОЛ
Значение	‘обрати внимание’	‘я спрашиваю: нормально ли это?’	‘обрати внимание’	‘я спрашиваю: куда ***именно*** мы едем?’	‘я спрашиваю: зачем мы едем?’

О. Фомин и др. День выборов, 2005

В заключение этого раздела отметим, что для указания на себя говорящий может использовать также большой палец, хотя количество таких примеров невелико (на нашем материале). Но исследовать функционирование большого пальца в дейктическом, в том числе и автодейктическом значении логичнее в рамках самостоятельного исследования.

6. Заключение

В работе [Гришина 2012б] мы определили совокупность значений, которые могут соответствовать указанию на некоторый объект пальцем (УП) или открытой ладонью (ОЛ). Данные приведены в табл. 5.

Таблица 5

Орган указания	**Указательный палец**	**Открытая ладонь**
Значения	определенный объект	неопределенный объект
	объект, а не ситуация	ситуация, а не объект
	объект расположен далеко	объект расположен близко
	объект единичен	объект — множество
	идентификация типа *Это X, Что это?*	идентификация типа *Вот X*
	мелкий объект	крупный объект
	контрастное указание	неконтрастное (нейтральное) указание
	императив	вопрос или утверждение
	лицо — объект указания не видит, что на него указывают	лицо — объект указания видит, что на него указывают

Из девяти перечисленных компонентов значения в случае автодейксиса оказываются актуальными далеко не все. Определенность объекта указания, его расстояние от субъекта указания, его единичность/множественность, размер, а также социологический фактор восприятия указания («видит ли объект указания, что на него указывают?») — нерелевантны, поскольку в случае автодейксиса субъект и объект указания является одним и тем же лицом.

Таким образом, для автодейксиса существенными являются параметр «объект vs. ситуация», тип стоящей за автодейксисом идентификации (*Это X* vs. *Вот X*), противопоставление контрастных и нейтральных контекстов и тип речевого акта, в который включен автодейксис.

Как мы уже писали выше, автодейксис УП апеллирует к диктальной семе ‘я’, входящей в состав сопутствующего автодейксису высказывания, в то время как автодейксис ОЛ относится к перформативу, лежащему в основе каждого высказывания. Если диктальное ‘я’ может трактоваться как стабильный объект, то перформатив может восприниматься как событие, ситуация. Следовательно, и в случае автодейксиса выбор между указаниями УП и ОЛ вписывается в общую схему: на объект указывает палец, на событие, ситуацию — открытая ладонь.

Что касается типа идентификации, то общие закономерности, характерные для дейксиса в целом, оказываются актуальными и для автодейксиса. *Это*-идентификация, т. е. сопоставление двух понятийных и, соответственно, речевых объектов, характерна для диктального ‘я’ и для указания УП. Напротив, *вот*-идентификация, которая сопоставляет некоторому понятию (имени) конкретный внеречевой объект, связана с указанием на внеречевое событие «речевой акт» и требует указания ОЛ.

Аналогичным образом выбор органа указания, характерный для классического дейксиса и определяемый степенью контрастности указания (контрастные vs. нейтральные конструкции), актуален и для автодейксиса: контрастные контрукции тяготеют к указанию УП, нейтральные — к указанию ОЛ.

Несколько сложнее ситуация с типом речевого акта, в который включен автодейксис. Здесь имеет значение параметр *актуализации адресата*. Как показало обследование жестикуляционного сопровождения классического дейксиса, в ситуации максимальной актуализации адресата, а именно, в императивных высказываниях, с повышенной частотой используется указание УП. Это объясняется тем, что указание УП — имманентно императивный жест, императивность которого по отношению к слушающему сохраняется даже в тех случаях, когда указательный жест УП направлен не на слушающего, а на любой объект, находящийся вне коммуникативного акта. Именно поэтому в классических указательных ситуациях для императива характерен жест УП, а для остальных типов речевых актов выбор между УП и ОЛ либо несуществен (утверждение), либо имеется слабое предпочтение ОЛ (вопрос).

В случае автодейксиса актуализация адресата трансформируется следующим образом: в провоцирующих высказываниях (императивах и вопросах), когда говорящий ждет немедленной реакции от слушающего, он совершает жест автоуказания как бы с точки зрения этого слушающего, и тем самым

актуализирует его. Именно поэтому при автодейксисе речевые акты группируются не так, как при классическом указании:

классический дейксис:	императив ↔ утверждение и вопрос
автодейксис:	провоцирующие высказывания (императив и вопрос) ↔ нейтральные высказывании (утверждение)

— ведь для утверждения фактор актуализации адресата оказывается несущественным. При осуществлении автоуказания в провоцирующих высказываниях говорящий привлекает внимание слушающего к перформативному ‘я’, т. е. к событию речи, а следовательно, для указания на событие предпочтение отдается указанию ОЛ. Напротив, при осуществлении автоуказания в нейтральных высказываниях (утверждениях) говорящий чаще привлекает внимание слушающего к содержанию высказывания и, соответственно, к диктальному ‘я’, для указания на которое, как мы уже писали выше, предпочтение отдается указанию УП. В результате в классическом дейксисе и автодейксисе предпочитаемые типы указания в императивах и утверждениях распределяются зеркальным образом, а для вопросов в обеих частях дейктической системы предпочтение отдается указанию ОЛ (см. табл. 6).

Таблица 6

Тип речевого акта Тип дейксиса	Императив	Вопрос	Утверждение
классический дейксис	УП	ОЛ	ОЛ
автодейксис	ОЛ	ОЛ	УП

В заключение отметим, что жестикуляционное противопоставление двух основных органов указания — открытой ладони и указательного пальца — хорошо коррелирует с противопоставлением объектов, входящих и не входящих в личную сферу говорящего. Так, в табл. 7 можно видеть распределение органов указания между основными дейктическими словами.

Таблица 7

Дейксис	ОЛ	УП
я	204	45
вон	27	61
вот	125	51
там	53	106
тот	33	66
тут	55	28
χ^2=171,7, распределения достоверны, параметры связаны		

Мы видим, что указание ОЛ характерно для тройки *я–вот–тут*, а указание УП — для тройки *тот–вон–там*, и эти тройки, тем самым, могут рассматриваться не только как речевые, но и как жестикуляционные антонимы. В первой тройке *тут* обозначает событие, развертывающееся в личной зоне говорящего, *вот* приглашает слушающего к восприятию объекта указания как части личной событийной сферы говорящего, а *я* обозначает сердцевину этой личной сферы — *событие речи*.

Литература

1. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., «Прогресс». 1993. 528 с.
2. *Гришина Е. А.* (2009). Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации. Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб. «Нестор-История»: 175–214
3. *Гришина Е. А.* (2011). Грамматика взгляда: направление взгляда как лингвистический фактор. Филология, 1, 50–71
4. *Гришина Е. А.* (2011). Закрытые глаза: жестикуляция, пунктуация, акцентуация. Филология, 2, 39–56
5. *Гришина Е. А.* (2012). Здесь и тут: корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов. Русский язык в научном освещении, 23 (в печати)
6. *Гришина Е. А.* (2012). Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса). Вопросы языкознания, 3 (в печати)
7. *Прозорова Е. В.* Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовой языке. Дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., Изд-во МГУ. 2009. 244 с.
8. *Clark H. H.* (2003). Pointing and Placing. Pointing: where language, culture, and cognition meet. Kita, S. (ed.). Mahwah, N.J., L. Erlbaum Associates: 243–268
9. *Kendon, A.* Gesture: visible action as utterance. Cambridge, Cambridge University Press. 2004. 400 p.
10. *Magno-Caldognetto E. A., Poggi I.* (1997). Micro- and macro-bimodality. ESCA Workshop on Audio-Visual Speech Processing (AVSP'97): 33–36
11. *McNeill D.* (2005). Gesture. The Cambridge encyclopedia of the language sciences. Hogan, P. C. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.: 344–346

References

1. *Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache [Teoriia iazyka. Reprezentativnaia funktsiia iazyka]. Moscow, Progress Publ. 1993. 528 p.
2. *Clark H. H.* (2003). Pointing and Placing. Pointing: where language, culture, and cognition meet. Kita, S. (ed.). Mahwah, N.J., L. Erlbaum Associates: 243–268
3. *Grishina E. A.* (2009). Multimodal Russian Corpus (MURCO): annotation scheme [Mul'timedijnyj russkij korpus (MURKO): problemy annotatsii]. Natsional'nyj korpus russkogo iazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy (Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects). St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ.: 175–214
4. *Grishina E. A.* (2011). Grammatika vzgliada: napravlenie vzgliada kak lingvisticheskij faktor [Gaze grammar: gaze direction as linguistic factor]. Filologiia, 1, 50–71
5. *Grishina E. A.* (2011). Zakrytye glaza: zhestikuliatsiia, punktuatsiia, aktsentuatsiia [Closed eyes: gesticulation, punctuation, accentuation]. Filologiia, 2, 39–56
6. *Grishina E. A.* (2012). Zdes' i tut: korpusnoj i zhesticuliatsionnyj analiz polnykh sinonimov [Zdes' 'here' and tut 'here': corporal and gestural analysis of full synonyms]. Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii, 23 (forthcoming)
7. *Grishina E. A.* (2012). Ukazaniia rukoj kak sistema (po dannym Mul'timedijnogo russkogo korpusa) [Hand pointing as a system (on data of Multimodal Russian Corpus)]. Voprosy iazykoznaniia, 3 (forthcoming)
8. *Kendon, A.* Gesture: visible action as utterance. Cambridge, Cambridge University Press. 2004. 400 p.
9. *Magno-Caldognetto E. A., Poggi I.* (1997). Micro- and macro-bimodality. ESCA Workshop on Audio-Visual Speech Processing (AVSP'97): 33–36
10. *McNeill D.* (2005). Gesture. The Cambridge encyclopedia of the language sciences. Hogan, P. C. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.: 344–346
11. *Prozorova E. V.* Markery lokal'noj struktury diskursa v russkom zhestovom iazyke [Markers of local discourse structure in Russian Sign Language]. Moscow, MSU Publ. 2009. 244 p.